

Людмила КИСЕЛЕВА

Украина

НОВЫЙ Этап «на путях к Николаю Ключеву»

Мы, почитатели творчества великого русского поэта Николая Ключева, живем между двух дат. 22 октября 2009 года поэту исполнилось 125 лет. А в октябре 2012 года – 75-я годовщина его гибели... И как неизвестно, в какой из деревень селения Коштуги появился на свет «олонецкий баян», так неизвестны точная дата его казни (23, 24 или 25 октября 1937 г.) и место «безымянной могилы»: в Томске на месте массовых захоронений расстрелянных жертв репрессий сооружён жилой массив. Этой своей «внезапностью» на Земле Ключев словно подтверждает собственную легенду о «Словесном Дереве», от которого он произошёл («Я помню крылатое дерево...»), которым стал («Я – древо...») и в котором пребудет вечно («А я обнимусь с корнями / Землёю – болезной сестрицей!»).

Итак, продолжается Ключевский год: 125-летие поэта отмечается творческими встречами, конференциями, юбилейными изданиями вплоть до октября текущего 2010 года. Увы, обо всем не расскажешь. Но на то, что, на мой взгляд, стало подлинным событием в культуре, стоит обратить внимание читателей «Севера». И одно из ярких событий юбилейного года – создание свода материалов к научной биографии поэта.

Этот труд известного московского ключевоведа Сергея Ивановича Субботина – «Николай Алексеевич Ключев (1884–1937): Хронологическая канва жизни и творчества» (Томск: ТМЛ-Пресс, 2009. – 96 с.). Книга ошеломляющая – живая и непрерыв-

но разрастающаяся в процессе чтения. Здесь впервые выстраивается история совокупного ключевского текста (стихотворения, циклы, поэмы, публицистика, изданные и найденные произведения – все они представлены в отдельном указателе с вариантами заглавий и ссылками на страницы «Хронологической канвы», что позволяет проследить биографический контекст отдельных произведений, их дальнейшую историю, логику творческого процесса).

Указатель имён, упоминаемых в «Хронологической канве», создаёт необходимую перспективу восприятия событий жизни и творчества Ключева; в какой-то мере очерчивает контуры культурного пространства, соотносимого с каждым конкретным моментом или периодом становления и развития личности поэта. События и лица, наполняющие книгу, вписывают факты биографии в реальное географическое и культурно-историческое пространство, а это – важнейшая предпосылка понимания гражданской позиции и художественных принципов Ключева.

Изумляет неожиданная плотность «канвы» – густота событий, те «узлы и закруты», которые заставляют искать и находить самое ценное: скрытую логику житнетекста, его болевые точки. И здесь особенно узнаваем почерк опытного текстолога, каким является С.И.Субботин, – везде, где только возможно, скрупулёзно отмечены обстоятельства возникновения замысла и этапы становления

текста, ближайший авторский контекст, историческое окружение, последующие редакции... Сведения об издаваемых и переиздаваемых книгах, критических отзывах, о составе и количестве публикаций (особенно в разного рода антологиях), переводах на другие языки дают ценнейший материал для дальнейших исследований.

Таково первое впечатление от книги, которую по прочтении хочется вновь раскрыть. Это достойная дань памяти Клюева и щедрый дар городу Томску, в котором завершился крестный путь поэта.

Природную иконографическую канву клюевского житнетекста представляет ещё одно прекрасное юбилейное издание – фотоальбом «У лебединых перепутей. Вытегорье поэта Николая Клюева»: составление и комментарий М.Н.Кошелевой, фотографии А.В.Кошелева (М.: «Бирюзовый Дом», 2009. – 25 с. Серия «Российская цивилизация. Храмы и судьбы»). Издана при финансовой поддержке Вытегорского районного краеведческого музея. Она светла, полна, гармонична, в высшей степени культурна и к тому же дышит любовью. Это приоткрытое для нас «небо небес» Николая Клюева – его «псаломогорье», тайник вдохновенного слова:

*Палеостров, Выгу,
Киж, Соловки
Выплескали в книгу
Радуг черпаки.
Там, псаломогорьем,
Звон и чаек крик,
И горит над морем
Мой полярный лик.*

Поражает именно «небесная» (в прямом и переносном смысле) перспектива фотоальбома – «вечная заря» над «Онего сизоводным», «беломорские просторы», «жемчуг и воск» над зыбью «волны палеостровской»; слова поэта воспринимаются как иконные надписи на «ликах» его родной земли. Здесь и «неопалимое сиянье» поморских святынь («Распрекрасный остров Соловецкий, / Лебединая Секир-гора»), и многотайная «горенка» поэта, и дивно одухотворённые пространства земные («озерная схи́ма и куколь лесов»; «на тёмном ельнике стволы берёз – на рытом бархате девические пальцы...»).

Всё это позволяет ощутить подлинное «родословие» Клюева – за семейными фотоснимками, за реальным географическим пространством воспетого им Русского Севера увидеть то «Словесное Дерево», которым осенена «Страна моя, Белая Индия»... Как нельзя уместнее поэтому выглядит сочетание карты «родимых гнёзд» поэта и портрета «Клюев-

пастырь» работы Бориса Григорьева на развороте обложки и титульном листе...

Глубинное «родословие» Клюева многие годы исследует петрозаводский учёный Елена Ивановна Маркова, автор известной монографии «Творчество Николая Клюева в контексте севернорусского словесного искусства» (Петрозаводск, 1997). И вот новая книга Е.И. Марковой, которая так и называется: «Родословие Николая Клюева. Тексты. Интерпретация. Контексты» (Петрозаводск: Карельский научный центр РАН; 2009, 354 с. + вкл.).

Заглавия трёх основных разделов книги отражают её замысел: «Тексты: паспортизация и жанровая характеристика»; «Евангельский текст в автобиографическом цикле Николая Клюева»; «Фольклорно-литературные источники и контексты родословия Николая Клюева».

Автобиографические заметки разных лет (деловые, документальные и художественные, «апокрифичные») рассмотрены автором как единый «сквозной цикл», в котором переплетены разнородные элементы: изуствная и документальная автобиография, родовое предание, мифологическое сказание, челобитная, рекрутский плач, житие мученика, наконец – «автоикона»...

Рождение Поэта – событие космогоническое, поэтому «квашонка», в которой его крестили, соотносима с «замесом Земли» Великой Гагарой и с «Гагарей судьбиной» крещаемого... А последующий путь Клюева-«китежанина» (его «тропа Батыева») неизбежно вписывается в контекст национальной китежского мифа. Мистическое «посвящение» поэта, его «испытания», «искушения», «видения» и «откровения» – все этапы «родословия» как единого «пути к Слову» осмыслены Е.И.Марковой как факты духовного опыта Клюева и вписаны в народную и церковную традицию. «Предметом нашего исследования, – предупреждает автор читателя, – является потаённая реальность... <...> В центре нашего исследования – неузнанный Клюев и невидимая Русь» (С.18).

Реконструкцию «родословия Клюева» завершает «суммарный текст народной родословной», подтверждающий типологическое и генетическое родство автобиографического цикла поэта с жизнеописаниями сказителей Севера: «...практически каждому факту... соответствует параллель в жизнеописании одного или нескольких сказителей...» Близки авторское и народное родословия «и по эпической манере повествования, использованию отдельных грамматических и синтетических конструкций, диалектизмов и формул народнопоэтической речи» (С.303). В этой части книги содержатся интересные факты русской фольклористики XX в., в частности,

сведения об использовании своеобразно «преломлённой» древней духовной словесности и свободной контаминации различных поэтических жанров юной исполнительницей, олонеккой девушкой-крестьянкой в 1920-е годы. Подобные факты содействуют пониманию глубокой органичности творчества Клюева («Что мы с тобою не народ – / Одна бумажная нападка», – как писал поэт Есенину); они также позволяют, как справедливо замечает Е.И.Маркова, по-новому интерпретировать слова Клюева о своей родительнице: «садовая, а не лесная»... (С.306-307).

Весьма ценно, что в книге Е.И.Марковой анализируемые ею «контексты поэта» расширяются и уточняются на основе многолетних исследований автора (монографию завершает список публикаций – около 100 позиций). Но особенно ценным качеством этого труда является абсолютное доверие исследовательницы ко всему клюевскому «тексту», стремление выстроить систему «зеркал», отражающих биографические, исторические, мифологические «реалии» жизни и судьбы поэта. При этом чётко выстраиваются «цепочки» метасюжета «великой крестьянской родословной» на всех уровнях клюевского жизнетекста. «На генетическом уровне вычленились три родовые цепочки: финно-угорская, древнерусская языческая, древнерусская православная. В структурном плане элементы родословной соединились в звено «Калевальского извода». <...> Фактически те же цепочки, но в иной последовательности присутствуют и в автобиографическом цикле» (С.64).

Таким образом, «родословие» Клюева впервые рассматривается во взаимосвязанных «евангельском, фольклорно-мифологическом и литературном контекстах», реконструируется на пересечении автобиографического, культурно-исторического и метаисторического пластов.

Такой подход соприроден творчеству Николая Клюева, созвучен его самооценке; и тем, что именно эта тенденция, в противовес осторожному, холодному, якобы абсолютно объективному подходу, становится доминирующей, мы обязаны, не в последнюю очередь, трём изданиям 2006 года.

Первое – это книга Татьяны Кравченко и Александра Михайлова «Наследие комет. Неизвестное о Николае Клюеве и Анатолии Яре» (М.: Территория, 2006. – 302 с.), изданная при финансовой поддержке Томского госуниверситета, его Благотворительного Фонда и Городской Думы г. Томска. Напомню, что Татьяна Анатольевна – дочь известного художника А.Н. Яр-Кравченко, друга поэта. Александр Иванович (1937–2009) – авторитетный петербургский исследователь творчества С. Есе-

нина, Н.Клюева, С. Клычкова, П. Орешина, А. Ширяевца, А.Герцена и многих других русских писателей. Книга уникальна, поскольку содержит немаловажные «ключи» к житетексту Клюева, обеспечивает ту перспективу рассмотрения «реальных фактов», отсутствие которой извращает их интерпретацию. «Письма-признания» и «письма-трактаты» Клюева, подробный справочный материал к архивному фонду, послесловие томских исследователей В.А.Доманского и Г.Е.Дунаевского «В стране Клюева (о Томске – городе суровом)» воссоздают документальную биографическую «канву» и духовную основу творчества Клюева в тот роковой период, когда поэт переживал «зенит своих творческих способностей» перед лицом надвигающейся гибели. И на этом фоне поэма «Кремль» (впервые опубликованная!) обретает необходимые «контексты понимания», вне которых её невозможно осмыслить.

Вторая книга – «XXI век на пути к Клюеву» (Петрозаводск, 2006. – 372 с.). Этот сборник, созданный на основе докладов Международной конференции «Олонекские страницы жизни и творчества Николая Клюева и проблемы этнопоэтики» (Петрозаводск – Вытегра, сентябрь 2004, год 120-летия Клюева), по сути, является коллективной монографией; и появление такого труда также является заслугой Е.И.Марковой – инспиратора и организатора конференции, составителя и научного редактора сборника. Символична структура книги: четыре раздела (четыре точки устойчивого пространства, иероглиф Земли) и предисловие, «XXI век на пути к Николаю Клюеву», – пятая, «космическая», точка. (Такая символика проиллюстрирована художественным оформлением обложки И.В. Хеглунд.) Заглавия разделов одновременно обобщают тематику посвященных творчеству Клюева работ и обозначают важнейшие «универсалии» клюевского текста:

- 1) Мистика поэзии и поэзия мистики;
- 2) Человек и вся тварь;
- 3) Русский Север как сакральный центр мира;
- 4) Память.

В последнем разделе помещены также воспоминания об отошедших – статьи, посвященные памяти незабываемых рачителей нашего общего дела, первопроходцев «пути к Николаю Клюеву». Это статьи С.И.Субботина «Александр Константинович Грунтов – первый отечественный библиограф Николая Клюева»; С.А.Кравченко «Связной Николая Клюева (воспоминания о Борисе Никифоровиче Кравченко)»; Е.И.Марковой «Ревнитель просвещения (светлой памяти Эдуарда Брониславовича Мекша)». Всё это сообщает некое «еди-

ное дыхание», создает ощущение сознательных коллективных усилий сотрудников и сомысленников («сосопстников», как сказал бы Клюев).

Третья книга, ставшая важной вехой «на путях к Николаю Клюеву», – монография вологодских лингвистов С.Н.Смольникова и Л.Г.Яцкевич «На золотом пороге немеркнувших времён: Поэтика имён собственных в произведениях Н.Клюева» (Вологда. Изд-во: «Русь», 2006. – 262 с.). Усилиями профессора Людмилы Григорьевны Яцкевич создан при кафедре русского языка Вологодского государственного педагогического университета научный центр изучения лингвопоэтики Клюева. Коллектив исследователей под ее руководством подготовил замечательное издание: «Поэтический словарь Н.А.Клюева. «Частотный словоуказатель», опубликовал и ряд интересных работ о поэтической ономастике Клюева, о национальных истоках его образного мышления, о системе топонимов и этнонимов, о терминах родства и других средствах создания «образа своего пространства» в клюевском тексте (работы Л.Г.Яцкевич, С.Б.Виноградовой, С.Х.Головкиной, С.Н.Смольникова). Таким образом, книга «На золотом пороге немеркнувших времён...» – во многих отношениях является итоговой. В ней не только исследованы источники и «ассоциативно-образные особенности» клюевской ономастики («топонимов, теонимов, антропонимов и мифонимов») – в ней поставлен и научно обоснован важнейший концептуальный вопрос об уникальности художественного мышления Клюева: «Осо-

бую сложность представляет то, что Клюев использует принципы художественного мышления, характерные для разных периодов развития исторической поэтики» (С.9). Подчёркивая специфику архаического (и фольклорного!) слова, исследователи совершенно справедливо отмечают: «Использование Клюевым архаичного типа мышления – поэтики синкретизма – одна из причин непонимания его творчества современным читателем...» (С.37). Интересны примеры «кумулятивных парадигм» (накопление нерасчленённой информации, свойственное кумуляции как способу художественного мышления) в поэзии Клюева (См. с. 27-30, 45, 62, 153).

Исключительно важен, с нашей точки зрения, вывод об использовании Клюевым «принципа обратной перспективы; вследствие чего создаваемая «с помощью имён собственных картина мира отличается иконографичностью» (С.222).

Наконец, небывалая частотность онимов (отмечено более двух тысяч употреблений имён собственных!) обуславливает онтологичность клюевского текста, и это является важнейшей характеристикой «бездонного слова» поэта...

Все упомянутые издания содержат материал, который неизбежно провоцирует полемику, предусматривает возникновение новых подходов и творческое освоение, углубление уже намеченных.

*При оформлении использован
рисунок Николая Клюева*

Людмила Александровна КИСЕЛЕВА –

доцент Киево-Могилянской академии,

кандидат филологических наук,

автор статей о творчестве

Н. А. Клюева, С. А. Есенина, С. А. Клычкова.

Один из создателей фундаментального труда

«Николай Клюев. Воспоминания современников»

(М.: Прогресс-Плеяда, 2010, – 880 с.).

В журнале «Север» публикуется впервые.

